

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ И СРЕДСТВА ИХ
ЭЛИМИНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АНДРЕЯ МАКИНА
«ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ»)

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной семиотики, связанных с изучением межкультурных и межъязыковых отношений двух обществ, занимающих в истории Европы значительное место, – России и Франции. В качестве предмета для изучения семиотической проблемы послужил роман А.Макина «Французское завещание», ставшей заметным явлением в культурной жизни Франции конца XX столетия.

На базе текста романа выявляются лексические и паралексические элементы, функция которых состоит в «символизации» русских культуры и менталитета в контексте русско-французских отношений. Это подвигло автора прибегнуть к теории этнографических лакун. В данном контексте используемая в статье лексема «степь» в полной мере сохраняет свой денотативный смысл, но в то же время включается в значительно более объемный метафорический образ, в котором представление о бескрайнем пространстве сливается с идеей мощи страны и даже широты русского характера.

Ключевые слова: этнографизмы; этнографические лакуны; лексема ‘степь’; интеркультурные и интертекстуальные компетенции; денотат; имплицитные культурные значения.

The article is devoted to one of the most urgent problems of modern semiotics, connected with the study of intercultural and interlingual relations of two societies that occupy a significant place in the history of Europe - Russia and France. The subject for the study of the semiotic problem is A. Makin's novel "The French Testament", which became a notable phenomenon in the cultural life of France at the end of the XX century.

On the basis of the text of the novel are identified lexical and paralexical elements whose function is to "symbolize" Russian culture and mentality in the context of Russian-French relations. The author resorts to the theory of ethnographic lacunas. In this context, the lexeme "steppe" used in the article fully retains its denotative meaning, but at the same time is included in a much larger metaphorical image, in which the idea of boundless space merges with the idea of the power of the country and even the breadth of the Russian character.

Key words: ethnographicisms; ethnographic lacunas; lexeme ‘steppe’; intercultural and intertextual competences; denotation; implicit cultural meanings.

Известно, что народы, принадлежащие различным культурам, по-разному воспринимают окружающий мир, глядя на него через призму собственных культурных ценностей. Это находит своё отражение в многообразии традиций, верований, норм и институтов, выступающих как признаки культурного различия, которое часто воспринимается как угрожающее, провоцируя таким образом реакции отторжения.

Именно таким долгое время было отношение к Андрею Макину, «*ce drôle de Russe qui se mettait à écrire en français*» ‘этот русский чудака, который осмелился писать на французском’ [5, p.313], прежде чем две престижные литературные премии – Гонкура и Медичи – не оценили по заслугам его автобиографический роман «Французское завещание», вознаграждая таким образом исключительную стойкость писателя, успевшего познать нищету и бесчисленные отказы издательств. Отказ в печатании был вызван отнюдь не

из-за литературных качеств романов писателя, но как раз из-за той самой «русскости» автора, который имел смелость претендовать на звание *écrivain français* ‘французский писатель’. Ведь чтобы иметь возможность публиковаться, А. Макин был вынужден придумывать фамилии несуществующих переводчиков своих произведений и нередко даже переводить их на русский самостоятельно, с тем, чтобы показать «оригинальную копию» издателя, этим ревностным хранителям монополии на «французскость».

Пример романиста показывает насколько поле литературы является сферой, где находят своё отражение конфликты всего общества, и прежде всего те, которые возникают на почве интеркультурных отношений. А. Макин, ввиду своего *malédiction franco-russe* ‘франко-русского проклятия’, оказался в эпицентре этих конфликтов. Отсюда интерес, который представляет его произведение в плане изучения коммуникации между двумя различными культурами – французской и русской, а также в плане изучения самой русской культуры в том виде, в котором последняя предстаёт в дискурсе поистине двуязычного и двухкультурного субъекта, каким является А. Макин. Ведь литературный текст не есть нечто, созданное *ex nihilo* ‘собственность автора’, а скорее *transposition spéciale de la langue de tous* ‘средство передачи информации для общего пользования’, посредством которого создаются и передаются мифы целого общества, делая его отличным от других. Специфика «Французского завещания», самого автобиографического из всех романов А. Макина, как раз и состоит в том, что русская культура представлена и интерпретирована в нём бикультурным индивидом на французском языке и для французов. Данное обстоятельство неизбежно ставит проблему отбора элементов русской культуры, которые являлись бы значимыми в глазах адресатов текста. В качестве второй проблемы выступает проблема лингвистических средств для эксплицирования этого культурного содержания, имея в виду трудности, которые появляются всякий раз, когда речь заходит о переносе семантического пространства своей собственной культуры на язык другой.

Приступая к выявлению и классификации элементов русской культуры, гипотетически присутствующих в творчестве Андрея Макина следовало бы начать с формальных признаков, которые позволяют нам постулировать присутствие в макиновском дискурсе подобных фрагментов «русскости» и без которых их выявление основывалось бы лишь на специфической интуиции каждого отдельного читателя. А так как основным признаком принадлежности к той или иной культуре является естественный язык [1, с. 12], частое появление в тексте элементов, в частности лексических и паралексических, заимствованных из иностранного языка должно рассматриваться как маркер «инородного» культурного присутствия. В то же время, тот факт, что эти заимствования воспринимаются читателем как таковые, зачастую основывается на авторских указаниях.

В первую очередь, когда речь идет о русских заимствованиях, которые называют экзотизмами или этнографизмами [2, с.55], их «русскость» легко узнаваема, логично следуя из функции этих лексем во французском языке,

которая заключается в том, чтобы символизировать (коннотировать) русскую культуру. Нужно только, чтобы этнографизмы были официализированы как таковые в лексической системе языка. Более того, в тексте романа эти русские этнографизмы чрезвычайно частотны, что, в сравнении с ограниченностью их употребления в контексте французской культуры является дополнительным маркером присутствия «чужого» социокультурного контекста (в данном случае, русского). Это прежде всего относится к многократному повторению на протяжении всего текста следующих слов: *steppe* (около 50 употреблений!), *isba*, *babouchka*, *vodka*, *tsar*, *chapka*, *telegue*, *datcha*, *koulak*, *bortsch*, *taiga*, *basmatch*, *kacha*, *intelligentsia*, *goulag* [5].

Эта функция маркера также осуществляется у А. Макина при помощи выделения курсивом некоторых окказиональных руссизмов, абсолютно неизвестных среднему французскому читателю: *derevnia*, *derevo* [5, p.38], *kholodets* [5, p.186], *technar* [5, p.123], *fortotchka* [5, p.203], *tsvetok* [5, p.244].

Однако, только что приведенные нами этнографизмы, коннотирующие «русскость» своей «чужой» формой, отнюдь не являются единственными указателями присутствия элементов русской культуры. Кальки с русских выражений, которыми пользуется автор, чтобы именовать реалии своей родной страны, могут в равной степени рассматриваться как руссизмы, являясь порой так же формально выделенными автором при помощи кавычек: «*surabondances architecturales*» ‘архитектурные излишества’, «*ennemi du peuple*» ‘враг народа’, «*élément bourgeois*» ‘буржуазный элемент’, «*dessouloir*» ‘вытрезвитель’, «*nouveau Russe*» ‘новый русский’ [5]. Впрочем, кавычки объясняются здесь и соображениями стиля, имея в виду тот факт, что приведенные выше выражения калькированы либо с номенклатурного «новояза», либо с разговорного языка.

Существуют и еще другие руссизмы, не маркированные ни графически, ни при помощи какого-либо «*traitement langagier*», ‘языковых средств’ [6]. Их распознавание основывается главным образом на интеркультурной (интертекстуальной) компетенции читателя, равно как от указаний металингвистического характера со стороны автора. Таковыми являются следующие выражения, обладающие в русском семантическом пространстве значительным «*poids culturel*» ‘культурным весом’ [7, p.228]: «*veste ouatée*» ‘телогрейка’, «*grand poêle*» ‘русская печь’, «*bottes de feutre*» ‘валенки’, «*verre à facettes*» ‘граненый стакан’, «*appartement communautaire*» ‘коммуналка’ [5]. Способность оных коннотировать «русскость» основывается таким образом на их экстралингвистическом денотате, или, иначе, на их лексическом фоне, который, как мы знаем, очень часто «*loin d’être explicite ni même explicitable*» ‘не только не выражаем, но и не выразим в принципе’ [7, p.83]. Так, в этом случае мы можем говорить о проблеме имплицитных культурных значений, без которых никакая коммуникация просто не может быть возможной и куда входят различные «*savoirs communs partagés*» ‘общеразделенные знания’ [7, p.83]. Последние составляют фундамент всякой культурной общности, и русской в частности. Тот факт, что некоторые из этих имплицитных культурных

знаний, которые стоят за теми или иными языковыми выражениями, различаются в контактирующих культурах составляет одну из главных проблем в интеркультурной коммуникации. Если так обстоит дело с реалиями, к которым отсылают приведенные нами руссизмы, а также другие выражения, в контексте русско-французских отношений, то тогда мы можем рассматривать эти выражения в качестве этнографических лакун. Адаптированные и перенесенные на французский язык, эти лакуны способны выполнять этнодифференцирующую функцию. При условии, конечно, что их культурная специфика не будет окончательно стерта путем компенсации, мало заботящейся о культурных различиях.

Для выявления некоторых элиминированных в тексте этнографических лакун, кажущихся нам особенно важными для понимания романа, мы решили проанализировать имплицитные культурные содержания некоторых слов и выражений, которые в русской культуре обладают сложной и богатой семантикой, сравнивая их с их потенциальными французскими «эквивалентами». Мы постараемся показать, что, в каждом случае такой «эквивалентности», понятия, которые на узко лингвистическом уровне могли бы показаться взаимно переводимыми, в реальности отражают весьма различные культурные представления; зачастую они даже представляют собой антагонистические концепции национального самосознания.

Steppe. В соответствии с французским словарным определением степь – это всего лишь «*vaste plaine à la végétation herbeuse et pauvre*» ‘обширная равнина со скупой растительностью’ [3, p.435]. Однако, культурное значение этого слова вряд ли исчерпывается подобным определением. Тема «степи» обладает в романе огромным символическим значением, неся в себе большую часть характеристик, обычно относящихся к «русской душе». Такая персонификация «степи», впрочем, частично мотивирована денотативным смыслом этого слова. *Vaste* ‘обширная’, она коннотирует **величие** и **размах** России, *immensité russe* ‘величие и размах’ [5, p.243], что прекрасно иллюстрирует следующий пример:

«*Autour de nous s’étendait l’énorme empire, puisant un orgueil particulier de l’exploration de ce ciel insondable au-dessus de nos têtes. L’empire avec sa redoutable armée, avec ses brise-glace atomiques éventrant le pôle Nord, avec ses usines qui devaient bientôt produire plus d’acier que tous les pays du monde réunis, avec ses champs de blé qui ofurdoyaient de la mer Noire jusqu’au Pacifique... Avec cette steppe sans limite*» ‘Вокруг простиралась гигантская империя, черпавшая особенную гордость в исследовании бездонного неба над нашей головой. Империя с её грозной армией, с её атомными ледоколами, взрезающими Северный полюс, с её фабриками, которые вскоре станут производить больше стали, чем все страны мира, вместе взятые, с её хлебными полями, колосющимися от Чёрного моря до Тихого океана... С этой бескрайней степью’. [5, p.32].

И тот факт, что слово «степь» часто сопровождается в тексте такими прилагательными как «russe» et «nos» отнюдь не результат случайных совпадений:

«*Je passais mes vacances chez ma grand-mère, dans cette ville aux abords de la steppe russe...*» ‘Я проводил каникулы у бабушки, в городе на краю русской степи...’ [5, p.17]; «*Comme ça, Charlotta Norbertovna, vous êtes toute seule ici, dans nos steppes*» ‘Выходит, вы тут совсем одна в наших степях, Шарлотта Норбертовна.’ [5, p.37], etc.

К теме «широты» часто добавляется другая тема – тема «бедности» (бесплодности, пустынности) и, соответственно, монотонности, бездеятельности и однообразности:

Dans la monotonie ensoleillée de la steppe, nous découvrons mille repères, des jalons qui nous devinrent vite familiers» ‘В солнечной монотонности степи мы обнаружили тысячу примет – вехи, скоро ставшие привычными’. [5, p. 264]; «*Charlotte chantonnait très lentement, en soupirant de temps en temps, laissant pénétrer entre deux strophes de sa récitation l'insondable silence de la steppe*» ‘Шарлотта напевала очень медленно, иногда вздыхала, пропуская между строфами своего речитатива неизмеримое молчание степей’. [5, p.252]; «*J'aurais évoqué l'air sec de la grande steppe qui distillait le passé dans sa transparence muette*» ‘Я описал бы им сухой воздух широкой степи, в безмолвной прозрачности которого кристаллизировалось прошлое’. [5, p.127], «*revenant à son sommeil des steppes derrière la Volga*» ‘Вновь погружившийся в степную дрему Заволжья’ [5, p.147], etc.

Выполняя этнодифференцирующую функцию, эта тема противопоставляется «многообразию» и «богатству» французской культуры:

«*Nous avons affaire à un peuple d'une fabuleuse multiplicité de sentiments, d'attitudes, de regards, de façons de parler, de créer, d'aimer*» ‘Мы имели дело с народом, отличавшимся сказочным многообразием чувств, поступков, взглядов, манеры выражаться, творить, любить’. [5, p.121].

То, что в первую очередь коннотируется образом степи - это пустое, необитаемое, невозделанное человеком пространство, иначе говоря **дикая и первобытная природа.**

«Степь» символизирует «кочевой дух» и «варварство», но также и «жизненную силу» непокоренной природы – все те черты, якобы свойственные русским. Они коннотируются у А. Макина постоянно сопровождающей «степь» темой «сильных ощущений»: огонь, жара, холод, пряные и сильные запахи и т.д.:

«*C'est là, au-dessus de l'obscurité glacée de la steppe, que je crus enfin comprendre ce que la France était pour elle*» ‘Там-то, над ледяной тьмой степи, я, кажется, понял наконец, чем была для нее Франция’. [5, p.293]; «*il semblait suspendu au-dessus de la brume chaude des steppes*» ‘Он, казалось, нависал над жарким маревом степей’. [5, p.27]; «*Avec cette senteur forte de la steppe...*» ‘С таким крепким степным запахом...’ [5, p.173]; «*Et sous le vent glacé des steppes...*» ‘Под холодным степным запахом...’ [5, p.38]; «*A l'horizon, un terrifiant incendie embrasait la steppe, la fumée allait bientôt éclipser le soleil...*» ‘На горизонте степь поджигало грозное пламя пожара, казалось, солнце вот-вот скроется в дыму...’ [5, p.41].

Впрочем, проанализированные выше коннотативные составляющие семантики «степи» одинаково принадлежат как русской культуре (дикая степь, голая степь), так и французской культуре: «*La monotonie des steppes sans fin étend son uniformité sur les esprits eux-mêmes; de plus, elle leur ouvre l'espace, les invite à changer un pays pour un autre qui lui ressemble, favorise les goûts vagabonds et nomades*» 'Монотонность бескрайних степей накладывает свое единообразие на умы людей; Более того, она открывает им новые горизонты, подвигает их к смене страны, которая напоминает прежнюю, содействует развитию вкуса к путешествиям и кочевой жизни' [4, p.396].

Итак, можно видеть, что русское слово «степь» оказывается непере-водимым никаким из его гипотетических французских эквивалентов, например, словом «*prairie*», последняя, по причине своей значительно большей сепени «очеловеченности», «окультуренности» являясь далекой о того, чтобы быть способной вместить в себя весь «*roids culturel*» первой лексемы.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бромлей Ю. В.. Этнознаковые функции культуры. – М., 1991. 224 с.
2. Мечковская Н. Б., Плотников Б.А., Супрун А.Е.. Общее языкознание. Сущность и история языка. – Минск, 1993. 287 с.
3. Dictionnaire de la langue française. Editions de la Connaissance. – P., 1995. С. 511. 4. Fouilleé, A.. Esquisse psychologique des peuples européens. – P., 1903. 550 с.
5. Makine A.. Le testament français. – P., 1998. 344 с.
6. Odin R.. Cinéma et production de sens. – P., 1990. 285 с.
7. Vion R.. La communication verbale. Analyse des interactions. – P., 1992. 302 с.